

ДВОР РУССКИХ МИТРОПОЛИТОВ В XIV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XV ВЕКА

А. Ю. Савосичев

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева

Поступила в редакцию 28 сентября 2016 г.

Аннотация: *рассматриваются структура, функции, персональный состав и источники материального обеспечения митрополичьего двора на первом этапе его развития, в XIV – первой половине XV в.*

Ключевые слова: *митрополичий двор, боярин, наместник, десятичник.*

Abstract: *the article examines the structure, functions, composition and sources of material support of the Metropolitan court at the first stage of its development, in the XIV – first half XV centuries.*

Key words: *Metropolitan court, boyar, Governor, desyatinnik.*

История митрополичьего двора относится к числу малоизученных в отечественной историографии тем. Дореволюционные авторы ограничивались, как правило, отдельными наблюдениями в связи с вопросами церковного управления [1, с. 187; 2, с. 30–32]. Исключение составляет известная работа Н. Каптерева, которая за прошедшие с момента ее опубликования почти полтора столетия устарела как в плане источниковой базы, так и методологически [3]. После 1917 г. историко-церковные темы потеряли популярность. Пожалуй, только С. Б. Веселовский позволил себе посвятить митрополичьему двору небольшой раздел своего фундаментального исследования о феодальном землевладении. Автор сосредоточил основное внимание на персональном составе митрополичьего двора. Характеристика его структуры и функций дана С. Б. Веселовским лишь в общих чертах [4, с. 413–438]. Из исследований, появившихся в постсоветскую эпоху, следует отметить работы Я. Н. Щапова и А. В. Кузьмина. Я. Н. Щапов рассмотрел только епархиальное управление [5, с. 69–73]. Очень основательное исследование А. В. Кузьмина посвящено, в основном, персональному составу митрополичьего двора [6]. Поэтому мы сосредоточим внимание прежде всего на структуре и функциях митрополичьего двора в контексте их генезиса и эволюции на первом этапе истории, который охватывает XIV–XV вв. (от времени возникновения Двора до учреждения фактической автокефалии Русской церкви).

Митрополичий двор мы рассматриваем как часть формирующегося служилого сословия и намеренно выводим за его пределы представителей духовенства как членов другой социальной корпорации. В Церкви существует четкое деление на пастырей и пасомых.

Духовенство имеет свои источники комплектования, свою иерархию, отличные от аналогичных в среде мирян.

Двор русских митрополитов как организация прежде всего светских слуг главы Церкви возникает, по всей видимости, благодаря необходимости осуществления двух функций святительской власти: суда и управления собственностью.

Церковная юрисдикция на Руси, как известно, охватывала две сферы. Во-первых, это особые дела, касающиеся посягательств на веру и Церковь или внутрисемейных конфликтов [5, с. 99, 100; 7, с. 120]. Во-вторых, это любые споры церковных людей: священно- и церковнослужителей, монашествующих, трудников разного рода (прикладник, прощеник и др.) и лиц, находящихся под особым покровительством Церкви (вдовица, лечец, калика и др.) [5, с. 98, 100, 101]. Право церковного суда принадлежало епископам, которые лично должны были разбирать соответствующие споры. Однако обширность русских епархий, большое количество дел не могли не вызвать к жизни особых слуг, которые бы разделяли с епископом бремя судебной власти. Это наместники, первые упоминания о которых, по данным Я. Н. Щапова, относятся к 20–30-м гг. XIII в. Сам институт владычных наместников, по мнению исследователя, возникает в XII столетии или даже ранее [там же, с. 70–71].

О том, что наместник – это судебный чин, сообщает один из списков Оленинской редакции церковного Устава кн. Владимира: «и своим тиунам приказываю церковного суда не обидети, ни судити без владычня наместника» [там же, с. 71–72; 8, с. 18]. Судя по данным, собранным Я. Н. Щаповым, епископский наместник был человеком светским. Какие конкретные дела были ему подведомственны, сказать сложно за недостатком источников. Можно полагать, что большинство дел, которые подлежали церковному суду, были аналогичны разбиравшимся в суде

княжеском: бытовые и имущественные конфликты между мирянами. Такие споры вмешательства епископа, в сущности, и не требовали. Лично владыка, по всей видимости, разбирает лишь дела особой важности или сложности, а также те, где были замешаны духовные лица, которых требовалось судить «опроче мирян».

Первое упоминание о митрополичьем наместнике датируется 6 декабря 1353 г.: «пресвященный Феогнаст митрополит постави наместника своего в епископы Алексиа владыку в Володимер» [9, стб. 62; 10, с. 98]. Судя по тому, что данное сообщение одинаково читается в Рогожском летописце и Симеоновской летописи, оно восходит к их общему протографу – великокняжескому своду 1408 г., отразившемуся в Троицкой летописи [11, с. 25, 26; 12, с. 145; 13, с. 203; 14, с. 813].

Упоминание о митрополичьем наместнике обнаруживается также в митрополичьем формулярнике¹ первой трети XVI в. [15, с. 124]. Интересующий нас документ² датируется 1392 или 1404 г. Наместник судит дела, подсудные митрополичьему суду, если самого первосвященника нет во Владимире [16, с. 18–19; 17, с. 85]. В жалованной оброчной грамоте митрополита Фотия Нижегородскому Вознесенскому Печерскому монастырю упоминается нижегородский наместник, который не судит обладателей иммунитетных прав, не направляет на территорию владения, обладающего иммунитетом, своих агентов («не высылает») и не собирает причитающихся ему сборов («кормов своих не емлет») [16, с. 332].

Отсутствие ранних упоминаний о митрополичьих наместниках, по всей видимости, не случайно. В домонгольской Руси не было особого митрополичьего округа. Киевская земля окормлялась белгородским епископом [5, с. 36]. Дела же, подсудные митрополичьему суду, требовали личного решения предстоятеля или, возможно, его викария, коим, по весьма вероятной гипотезе Е. Е. Голубинского, был все тот же белгородский владыка [18, с. 668–669].

При митрополите Кирилле митрополичьи наместники теоретически могли существовать. Белгородская епархия после монголо-татарского нашествия исчезла, и митрополиты могли окормлять эту область как епархиальные архиереи. Другое дело, была ли необходимость в наместниках после того разорения и оттока населения, которые пережила Южная Русь.

¹ Термин С. М. Каштанова.

² В Актах социально-экономической истории Северо-Восточной Руси этот документ назван уставной грамотой о церковных людях, а в Русском феодальном архиве – формулярным изводом договорной грамоты. Для краткости будем использовать термин «уставная грамота». Этот термин хотя, возможно, и менее точен с точки зрения дипломатики, но лучше звучит стилистически.

В любом случае вопрос о существовании митрополичьих наместников во второй половине XIII в. нуждается в дополнительном исследовании.

С переносом седалища митрополии во Владимир и превращением Владимирской епархии в митрополичий округ митрополиты восприняли ту структуру церковного управления, которая уже сложилась в рамках епархии. Владычные наместники, если они были при местных архиереях, превратились в митрополичьих.

О персональном составе митрополичьих наместников в XIV – первой половине XV в. сложно судить по причине недостатка данных. Другие митрополичьи наместники, кроме Алексея, неизвестны. Одно можно заключить уверенно: должность наместника мог занимать и мирянин, и монах. Притом последний, скорее, в виде исключения. В уставной грамоте о церковных людях говорится, что если наместник будет ответчиком по иску нецерковного человека, судит его великокняжеский суд в то время, как в аналогичной ситуации по отношению к игумену, священнику или иноку был предусмотрен «суд вопчей», т. е. с двумя судьями, от государства и от Церкви [17, с. 85].

Другой судебный чин в структуре митрополичьего двора – десятинник или десятильник. По данным Я. Н. Шапова, древнейшее упоминание десятинника обнаруживается в деяниях Владимирского собора (по современным понятиям архиерейского) 1273 г. [5, с. 73]. В актовом материале митрополичий десятильник впервые упоминается в жалованной тарханно-несудимой грамоте вел. кн. Дмитрия Ивановича чернецу Савве. Десятильники и их тиуны не судят имуниста и не пересекают границ его владения. Жалованная датируется 1380–1382 гг. [19, с. 338].

В упомянутой выше уставной грамоте о церковных людях обозначены доходы десятинника. При вступлении в должность («на десятину насад») он получал с налогоплательщиков 6 алтын. В ту же сумму ему засчитывались обязательные платежи, вносимые на Рождество («рожественное») и на Петров день («петровское») [17, с. 86]. За счет сборов с населения существовали и наместники. В вышеупомянутой жалованной Нижегородскому Печерскому монастырю об этом упоминается, хотя и в самом общем виде («кормов своих не емлет») [16, с. 332].

До середины XV в. находится только одно персональное упоминание о митрополичьем десятиннике: в 1428–1432 гг. в числе послухов при данной спасского попа Ивана Троице-Сергиеву монастырю на четверть варницы у Соли Галицкой упоминается усольский десятинник Иван Плеснин [20, с. 60]. Соль Галицкая входила в состав бывшей Владимирской епархии и была, таким образом, центром судебного округа – десятины. Другие десятины до середины XV в. неизвестны.

В уставной грамоте о церковных людях среди должностных лиц митрополичьего управления упоминается наряду с наместником и десятником также волостель [17, с. 85]. Других упоминаний об этой должности найти не удастся. Местное государственное управление состояло из двух уровней – наместничьего в уезде и волостельского в волости или стане. Такая же структура прослеживается и в митрополичьей области: наместник и десятинник. Митрополичий волостель в связи с этим кажется лишней деталью. Нет ли здесь какого-либо поновления текста? Ведь грамота имеется лишь в списке начала XVI в. Впрочем, все эти чисто логические соображения не исключают существования митрополичьих волостей.

Церковное хозяйство – такой же древний институт, как и церковные суды. Денежные и материальные выплаты от государства (десятина, позднее руга), частных лиц, особые сборы в пользу Церкви – все это стекалось в храмы, епархии и митрополичью казну. По мере развития на Руси феодального землевладения появляются церковные земельные владения и новый источник дохода – феодальная рента. Данные о церковных доходах на Руси X–XIII вв., собранные и проанализированные Я. Н. Щаповым, относятся прежде всего к материальному содержанию епархий и соборных церквей [5, с. 76–97]. Вопрос о доходах митрополичьей кафедры требует, на наш взгляд, дополнительного исследования.

В сообщении Ермолинской летописи о чуде, произошедшем над гробом Александра Невского в ноябре 1263 г., упоминается Севастьян, эконо митрополита Кирилла [21, с. 85]. 26-е правило IV Вселенского собора предписывало иметь эконо мов при каждом епископе для заведования церковным имуществом. Эконом должен был быть из клира кафедральной церкви [22, с. 388–391]. То есть во второй половине XIII в. митрополичья казна уже существовала. Существовала она, судя по всему, и ранее, так как главе Церкви и его слугам всегда были необходимы какие-то средства для жизни и деятельности.

Формирование земельных владений митрополичьего дома в Северо-Восточной Руси, по авторитетному мнению С. Б. Веселовского, происходило на базе вотчин Владимирской епархии, приобретение древнейших из которых исследователь относил к середине XII в., ко временам основания епархии [4, с. 365, 368, 387]. Необходимость слуг-мирян для управления вотчинами была обоснована митрополитом Киприаном в ответах игумену Серпуховского Высоцкого монастыря Афанасию, составленных в 1381–1382 гг.: «А еже сего страшнейши, яко повнеда чернецем начатии селы владети, и мужем и женам судити, и частаа хождения в них творити, и о них печаловатися: чим мирянина различни суть? ... Но

аще бы мощно сице бытии селу под монастырем, еже чернецу николи не бытии в нем, но мирянину некоему богобоязнову приказати, и тому печаловатися бы о всяких делех; в манастрь же бы готовое привозил житом и иными потребами: занеже пагуба чернецем селы владети и тамо частая происхождения творити» [23, стб. 264–265; 24, с. 466].

Я. Н. Щапов, собравший все возможные данные о должностных лицах епископского управления, полагал, что хозяйственные обязанности были возложены на владычного тиуна и владычного мытника [5, с. 72–73]. Хотя среди фактов, приведенных автором, данных об обязанностях владычного тиуна нет, такое толкование вполне логично. В княжеском и боярском хозяйстве тиун выполнял именно административно-хозяйственные функции.

В источниках, содержащих информацию о митрополичьем дворе второй половины XIII – первой половины XV в., тиун упоминается исключительно в связке с десятинником как судебный чин [19, с. 338]. Здесь просматривается прямая аналогия с княжеским управлением, где тиун – обычно холоп наместника или волостеля, которому наряду с доводчиком поручалось разбирательство части судебных дел. Каких-либо других данных о слугах-мирянах, управлявших митрополичьими вотчинами до середины XV в., нам найти не удалось.

А. В. Кузьмин, опираясь на изыскания В. Д. Назарова, полагает, что дворцовыми волостями и селами, входившими в состав митрополичьего домена, управляли митрополичьи стольники. Возможно, это и так, однако во всех случаях, когда мы сталкиваемся с упоминанием в источниках митрополичьих стольников, они фигурируют только в роли посланцев [6, с. 42].

Кроме митрополичьих наместников, волостей, десятинников и тиунов в состав двора предстоятелей Русской церкви входили слуги, за которыми не было закреплено определенных обязанностей или эти обязанности не поддаются выявлению.

Прежде всего это митрополичьи бояре. По мнению новейшего исследователя митрополичьего двора А. В. Кузьмина, первым упоминанием митрополичьих бояр следует считать сообщение Рогожского летописца о посылке митрополитом Феогностом в Константинополь в 1353 г. Артемия Коробьина и Михаила Гречина Щербатого [там же, с. 14]. Это вполне вероятно, хотя справедливости ради следует отметить, что в источнике они боярами не названы [9, стб. 62].

По данным А. В. Кузьмина, Феогносту служили бояре Артемий Коробьин и Михаил Щербатый; Алексею – Федор Шолохов, Иван Артемьевич Коробьин с братом Андреем, Невер Бармин и Степан Ильин Кловыня; Киприану – Андрей Ослебятя, Дмитрий Афинеевич, Степан Феофанович Бяконтов, Демьян

Райкович, Михаил Рай, Михаил Биреев и Юрий Протопопин; Фотию – Акинф Ослебятев [6, с. 18, 19, 39–40].

Митрополичьи слуги бывали посланцами предстоятеля. Так, зимой 1331 г. некие Федорко и Семенко³, представители митрополита Феогноста, побывали в Новгороде [6, с. 13; 25, с. 325]. В 1353 г. Артемий Коробьин и Михаил Щербатый были направлены Феогностом вместе с представителями вел. кн. Семена Ивановича Дементием Давидовичем и Юрием Воробьевым в Константинополь вести переговоры об утверждении епископа Алексия в качестве кандидата в будущие Киевские митрополиты. Ранее июня 1370 г. слуга митрополита Алексия Аввакум отвез его грамоту в Константинополь к патриарху Филофею [24, стб. 104]. В 1379 г. в столицу Империи Ромеев для поставления в митрополиты спасского архимандрита Михаила отправились митрополичьи бояре Федор Шолохов, Иван Артемьевич Коробьин с братом Андреем, Невер Бармин и Степан Ильин Кловыня. Кроме бояр в свите нареченного митрополита были два толмача – Василий Кусков и Буило – и другие светские слуги, чин которых неизвестен: Сергей Озаков, Степан Высокий, Артемий Копье [9, стб. 129]. Здесь же упомянут печатник Дорофей, который, по всей видимости, был духовным лицом, как и сам Михаил, несостоявшийся митрополит, исполнявший ранее обязанности великокняжеского печатника [6, с. 48; 9, стб. 125]. Около 1391 г. (уставная грамота датирована 21 октября 1391 г.) некий Окинф (по всей видимости, Ослебятев) был послан митрополитом Киприаном к Царку, бывшему игумену митрополичьего Царево-Константиновского монастыря, чтобы расспросить старого настоятеля о монастырских обычаях в отношении «сирот» (монастырских трудников) [26, с. 179]. Акинф Ослебятев был послан митрополитом Фотием в ночь с 27 на 28 февраля 1425 г. из Москвы в Звенигород к брату вел. кн. Василия Дмитриевича Юрию [27, с. 246].

Митрополичьи бояре выступали свидетелями сделок своего сюзерена. В жалованной Ивана III на митрополичью слободку Караш от 17 марта 1483 г. упоминается мена Алексина на Караш, осуществленная при митрополите Киприане. На мене были митрополичьи бояре чернец Андрей Ослебят (форма творительного падежа Ослебятем), Дмитрий Афиневич, Степан Фофанович, Демьян Райкович и Михаил Рай [26, с. 24]. Сама мена была совершена не ранее 6 марта 1390 г. и не позднее 13 февраля 1392 г. [6, с. 40].

Митрополичьи слуги бывали своего рода экпертами. Во время разбирательства вышеупомянуто-

³ Гипотеза А. В. Кузьмина об их боярстве представляется нам слишком смелой. Во всяком случае, уменьшительно-пребрежительная форма имен говорит не в пользу автора.

го конфликта между игуменом Царево-Константиновского монастыря Ефремом и монастырскими сиротами митрополит Киприан расспрашивал о прежних «пошлинах» не только игумена Царка, но и своих бояр: Михаила Биреева и Юрия Протопопина [26, с. 180].

Митрополичьи вассалы сообразно эпохе были также военными слугами. В уставной грамоте о церковных людях указано, что митрополичьи бояре и слуги выступают под началом митрополичьего воеводы и под стягом, т. е. верховным командованием, великого князя. Кто из бояр и слуг не служил митрополиту Алексею, а поступил на вассальную службу позднее («приказался ново митрополиту»), тот идет на войну под началом великокняжеского воеводы в зависимости от места жительства [16, с. 19; 17, с. 86]. Каких-либо конкретных указаний источников на участие митрополичьих бояр и слуг в военных действиях нам найти не удалось.

Что касается совета и соучастия в принятии всех ключевых решений в области управления, суда и законодательства, одной из основных функций бояр светских владык, то по отношению к митрополичьим боярам таких данных нет. Это не означает, что бояре не участвовали в совете. Например, решение о представлении Пимена в Константинополе кандидатом в митрополиты вместо умершего Михаила явно было принято не без их участия (хотя источники прямо об этом не говорят). Совещание митрополита со своими боярами не было обязательным условием принятия решений по управлению Церковью. В структуре Церкви не было учреждения, аналогичного княжеской Думе. Такую функцию, по всей видимости, выполнял освященный собор, где архипастыри совещались с архипастырями. Мнение митрополичьего боярина как мирянина не могло играть решающей роли.

Если обобщить данные тех немногочисленных источников, которые есть в нашем распоряжении, то можно заключить, что образование митрополичьего двора как организации светских слуг предстоятеля Русской церкви следует отнести к периоду не ранее середины – второй половины XIII в. Это, так сказать, нижняя дата. Более вероятно, на наш взгляд, что митрополичий двор начал формироваться в первой половине XIV столетия, после переноса резиденции первосвященника из Киева во Владимир. Здесь быстрее и полнее была восстановлена после монгольского нашествия структура церковного управления (ни одна из старых епархий не исчезла) и здесь была возможность опереться на более или менее сильную княжескую власть. Именно формы организации княжеской власти оказали влияние на структуру и функции митрополичьего двора.

Как и в княжеском дворе, в митрополичьем дворе выделяются бояре и слуги. Как и в государстве, в

Церкви прослеживается два уровня управления: наместники и десятинники (волостели). Четче всего воспроизведение светских образцов прослеживается в обретении митрополичьим двором военных функций.

Чиновная структура митрополичьего двора начинает выкристаллизовываться примерно к середине XIV в., во времена митрополита Алексия. Элиту двора составляли митрополичьи бояре. Они выполняли наиболее ответственные поручения, занимали, по всей видимости, должности наместников, и, судя по всему, именно бояре бывали митрополичьими воеводами. На ступень ниже стояли митрополичьи стольники, которые, скорее всего, ведали управлением церковными вотчинами и всеми связанными с этим хозяйственными делами.

Митрополичьему двору, по крайней мере, его верхнему эшелону в лице бояр, не хватало одной важной черты – генеалогической стабильности. Только в единственном случае (Коробьины) можно говорить о наследовании службы в пределах одного рода. Именно наследственность, традиционность службы была фактором, укреплявшим княжеский двор. Премущественность во времени отношений «государь – слуга» способствовала укреплению взаимной личной преданности между «природным государем» и «извечными боярами».

Передача власти не по наследству, долгое отсутствие «государя», пока кафедра вдовствовала, дестабилизировали генеалогическую структуру митрополичьего двора, препятствовали превращению его в прочную служилую корпорацию. Следующий этап в истории митрополичьего двора начинается с середины XV столетия с превращением Русской церкви в автокефальную и с более тесной интеграцией церковных и государственных аппаратов власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Филарет (Гумилевский), еп.* История Русской церкви. Ч. 1 / Филарет (Гумилевский). – Харьков, 1849.
2. *Филарет (Гумилевский), еп.* История Русской церкви. Ч. 3 / Филарет (Гумилевский). – М., 1851.
3. *Каптерев Н. Ф.* Светские архиерейские чиновники в Древней Руси / Н. Ф. Каптерев. – М., 1874.

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева

Савосичев А. Ю., доктор исторических наук, доцент кафедры религиоведения и теологии
E-mail: sawositchev@mail.ru
Тел.: 8-910-205-85-67

4. *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1 / С. Б. Веселовский. – М.; Л., 1947.

5. *Щапов Я. Н.* Государство и Церковь Древней Руси X–XIII вв. / Я. Н. Щапов. – М., 1989.

6. *Кузьмин А. В.* На пути в Москву: очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV вв. Т. 2 / А. В. Кузьмин. – М., 2015.

7. *Макарий (Булгаков), еп.* История Русской церкви. Т. 1 / Макарий (Булгаков). – СПб., 1857.

8. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. – М., 1976.

9. Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 15, вып. 1. – М., 2000.

10. ПСРЛ. Т. 18. – М., 2007.

11. *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. / Я. С. Лурье. – Л., 1976.

12. *Муравьева Л. Л.* Заметки о Рогожском летописце / Л. Л. Муравьева // Источниковедение отечественной истории. 1984. – М., 1986. – С. 143–153.

13. *Приселков М. А.* История русского летописания XI–XV вв. / М. А. Приселков. – СПб., 1996.

14. *Шахматов А. А.* Разыскания о русских летописях / А. А. Шахматов. – М., 2001.

15. *Кашианов С. М.* Русская дипломатика / С. М. Кашианов. – М., 1988.

16. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. (далее – АСЭИ). Т. 1. – М., 1952.

17. Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. – М., 2008.

18. *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви / Е. Е. Голубинский. – М., 1902.

19. АСЭИ. Т. 2. – М., 1958.

20. АСЭИ. Т. 1. – М., 1952.

21. ПСРЛ. Т. 23. – СПб., 1910.

22. Правила Православной церкви с толкованиями Никодима (Милаша), еп. – СПб., 1911.

23. Русская историческая библиотека. Т. 6. – СПб., 1880.

24. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2, ч. 1. – Л., 1988.

25. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. – М.; Л., 1950.

26. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков. Ч. 1. – М., 1951.

27. ПСРЛ. Т. 25. – М.; Л., 1949.

Orel State University named after I. S. Turgenev
Savosichev A. Yu., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Religious Studies and Theology Department

E-mail: sawositchev@mail.ru
Tel.: 8-910-205-85-67